

МЕТОДОЛОГИЯ

И.В. СТАРОДУБРОВСКАЯ

Драма модернизационной теории*. Статья 2. После кризиса: развилки и тупики современной модернизационной теории

В данной статье (первую часть см. “ОНС” 2019, № 1) рассматривается развитие модернизационных и альтернативных им теорий социальной трансформации в период после кризиса теории модернизации в узком смысле. Дискусе модернизации не полностью “сошел со сцены”, однако существенно модифицировался. Доминирующей здесь стала теория “множественности модернов”, отрицающая идею единой траектории движения к современному обществу. Исследователи начали отказываться от противопоставления традиции и модерна, в большей мере учитывать культурные факторы в процессе модернизации. Сам модерн рассматривается более критически. Однако все это не позволило преодолеть кризис модернизационной парадигмы, поскольку попытки уйти от детерминизма и соблюсти политкорректность приводили к тому, что основные понятия данной теории – модерн, модернизация, традиция – просто теряли четкое содержание. Параллельно в общественных науках появляются альтернативные теории социальной трансформации, критически переработавшие опыт модернизационных теорий. Среди них наибольшую известность приобрели теории столкновения цивилизаций, а также институциональные теории, в первую очередь анализ порядков ограниченного и открытого доступа, осуществленный Д. Нормом и его соавторами.

Ключевые слова: множественность модернов, столкновение цивилизаций, инклюзивные институты, экстрактивные институты, порядок ограниченного доступа, порядок открытого доступа.

DOI: 10.31857/S086904990004342-8

Крах теории модернизации в узком смысле не остановил интеллектуального поиска в сфере социальной трансформации и даже не означал полного отказа от дискурса модернизации в общественных науках, хотя и существенно снизил его роль и влияние. Как реакцию на возникший кризис можно выделить две основные интеллектуальные тенденции: 1) модификацию самой модернизационной теории; 2) поиск альтернативных объяснительных моделей общественной трансформации, так или иначе принимающих во внимание уроки модернизационной теории и практики.

* Статья подготовлена по материалам НИР Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара 2018 г. “Сельские сообщества Северного Кавказа – модели адаптации к разрушению традиционной культуры”.

Стародубровская Ирина Викторовна – кандидат экономических наук, руководитель научного направления “Политическая экономия и региональное развитие” Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара. Адрес: 125993, г. Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: irinas@iep.ru

Современные модернизационные теории

Если говорить о модификации модернизационной теории, то основным направлением ее эволюции стал отказ от линейных, упрощенных представлений, свойственных теории модернизации в узком смысле, – об универсальности модернизационной траектории, отождествлении модернизации с вестернизацией, о модерне как отрицании традиций и т.п. Получили распространение теории “множественности модернов” (*multiple modernities, alternative modernities*). Модернизация стала трактоваться как ответ каждого общества на вызовы современности, который не должен быть единообразным и зависит от особенностей этого общества. Так, Д. Гаонкар вводит понятие “креативной адаптации” как модели реакции различных обществ на вызовы модернизации. «Креативная адаптация... это не просто вопрос о приспособлении форм или перестройке практик для смягчения воздействия модерна; скорее это указатель на многообразие путей, которыми люди осмысливают современность. Это та сфера, где люди “делают себя” современными в противовес тому, что их “делают” современными с помощью отчужденных и деперсонифицированных сил, и где они определяют свою идентичность и судьбу» [Gaonkar 2001, p. 18].

Теоретики стали отказываться от противопоставления традиции и модерна как взаимоисключающих категорий. Традиция начинает рассматриваться не как антипод современности и не как барьер на пути модернизации, а как тот резервуар, из которого могут черпаться ресурсы и практики для модернизационного процесса: “...успешный переход подразумевает, что люди находят в своей традиционной культуре ресурсы, которые, модифицированные и перемещенные, позволяют им приобщаться к новым практикам” [Taylor 2001, p. 183]. Тем самым “успешная модернизация может быть проведена при опоре на некоторые элементы традиционной регуляции, отвечающие ее направленности” [Эйзенштадт 1998, с. 239]. Уходило и представление о неизбежной комплексности, всесторонности модернизационных процессов. “Во всех обществах, или по крайней мере в большинстве из них, различные институциональные сферы – экономика, политика и семейный быт – относительно автономно обнаруживают способности воспринимать модернизацию, и эти различные аспекты модернизма по-разному соединяются в различных обществах и в различные периоды своего развития” [Айзенштадт 2004, с. 137–138].

Серьезное внимание стало обращать на роль культуры в траектории движения различных обществ к модерну, причем в качестве ключевого элемента культуры постулировалась религия. «Традиционно протестантские, православные, исламские или конфуцианские страны образуют ярко выраженные “культурные зоны” с собственными ценностными системами... Эти культурные зоны отличаются немалой устойчивостью» [Инглхарт, Вельцель 2011, с. 37–38]. В то же время признавалось, что процессы социально-экономического развития влияют на эволюцию ценностей и институтов, однако не приводят к их полной конвергенции.

Сам модерн как “конечная точка” движения стал восприниматься более критически. В науку возвращается понимание этого явления как неоднозначного, противоречивого, конфликтного, что было свойственно ранним модернизационным теориям. Так, Ш. Эйзенштадт приводит примеры ряда дихотомий, создающих напряжение в современных обществах: свобода против авторитарности, стабильность и преемственность против перемен, современная социальная рациональность против культурной специфики [Eisenstadt 1973, p. 4–5]. Подобная неоднозначность модерна нашла отражение в теории и практике, где реализовывались самые разнообразные его модели и представления. “...Западный дискурс о модерне – это неустойчивая, гибридная конфигурация, состоящая из разных, часто конфликтных теорий, норм, исторического опыта, утопических фантазий и идеологических обязательств” [Gaonkar 2001, p. 15].

Было признано, что у модерна есть “светлая” и “темная” стороны. Если раньше утверждалось, что коммунизм – патологическая разновидность модерна, а фашизм и национал-социализм вообще не имеют отношения к модернизационным процессам,

и только западная модель способна реализовать идеал современного общества, то теперь все эти три модели стали трактоваться как альтернативные разновидности модерна. Точно так же идеологизация насилия, террора, войны и геноцида теперь не противопоставлялась модерну, а рассматривалась как одно из его проявлений. “Холокост, произошедший в самый разгар модерна, был крайним проявлением и стал символом его негативного, разрушительного потенциала, того варварства, которое скрыто в самой его сердцевине” [Eisenstadt 2003, p. 547].

Более того, само понимание того, что модерн есть некая “конечная точка”, имеющая определенные устойчивые характеристики, было поставлено под вопрос. Все более широкое распространение получают взгляды на модерн как на движение через кризисы, приводящее к серьезной трансформации общества, которые мы привыкли называть западными и которые продолжают переживать свою “модернизацию”. «Модернизация – процесс нелинейный, и динамика культурных изменений отнюдь не напоминает ровный путь от индустриализации к “концу истории”» [Инглхарт, Вельцель 2011, с. 59]. По мнению Р. Инглхарта и К. Вельцеля, “модернизация проходит ряд этапов, каждый из которых приводит к характерным для него изменениям в мировоззрении людей. Промышленная революция была связана с переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, в результате чего власть и авторитет стали утрачивать сакральный характер. На постиндустриальном этапе модернизации преобладающую роль начинает играть иной сдвиг в культурной сфере – ценности выживания замещаются ценностями самовыражения, что приводит к все большей эмансипации людей от власти как таковой” [Инглхарт, Вельцель 2011, с. 17]. П. Вагнер, считая, что “трансформация индивида в период модерна должна рассматриваться как параллельный и драматический процесс освобождения и дисциплинирования” [Wagner 1994, p. xiv], выделяет два кризиса эпохи модерна – кризис ограниченно-либерального модерна, знаменующий переход к организованному модерну, и кризис организованного модерна, последствия которого пока сложно оценить.

Особенно серьезно пересмотру подверглась идея о секулярности как неотъемлемой черте современного общества. Все большее распространение приобретает представление о том, что мир становится постсекулярным. Так, по мнению С. Хантингтона, “век двадцать первый, судя по всему, обещает стать эпохой религиозного возрождения. Буквально повсюду, не считая Западной Европы, люди возвращаются к религии, возвращаются за утешением, за наставлением, за надеждой – и за идентичностью” [Хантингтон 2008, с. 40]. Соответственно, в рамках теории “множественности модернов” секуляризация перестала рассматриваться как неотъемлемая часть модернизационного перехода, вопрос о необходимости выбора между “Меккой и механизацией” был снят с повестки дня. “Наблюдаемая на настоящий момент важность религии не означает победу традиции над модерном или триумф луддитского консерватизма. Напротив, она отражает эволюционирующую и сложную природу самого модерна...” [Voll 2005, p. 89].

В то же время исследователи связывают такой поворот с разочарованием в модерне. Просвещенческая парадигма, включая ее отношение к религии, стала утрачивать свою привлекательность. Возможности рационализации человеческого поведения оказались сильно преувеличены, а связанные с этим риски – значительно недооценены. «Несмотря на культ разума, история эпохи модерна изобилует примерами “охоты на ведьм”, а мировые войны являли собой образец безумия. Утратив способность погружаться в глубинные слои психики, которую давали древние мифы, литургия, мистические практики традиционной веры, разум в нашем дивном новом мире, казалось, периодически пропадали и сам. В конце XX в. либеральный миф, утверждающий, что человечество движется вперед к большей просвещенности и толерантности, выглядит... утопией» [Армстронг 2013, с. 421]. Частью разочарования в модерне стали сомнения в непогрешимости научного знания. “Люди живут надеждой, им необходимо верить в будущее. Они ищут смысл своего существования, и они не так уж далеки от истины, когда подозревают, что наука

лишает смысла всякие их усилия... Сейчас мы переживаем научную контрреволюцию, эпоху эпистемологической анархии, когда каждый человек чувствует свою свободу в выборе критериев истины и в мере доверия к этим критериям, к отобранным с их помощью истинам” [Баюк 2013, с. 25–26, 27].

Отказ от упрощенных представлений в рамках современных теорий модернизации и модерна можно только приветствовать. Однако здесь возникают свои сложности и проблемы, которые не позволяют считать, что кризис модернизационных теорий преодолен. И связаны они в первую очередь с тем, что содержание ключевых категорий – модернизация, традиция, модерн – размывается практически до потери смысла. Частично это имеет объективные корни, частично определяется высокой политизацией данной проблематики.

Центральной методологической проблемой новых подходов к модернизации стало разделение в ней общего и особенного, “того, что является необходимыми аспектами модерна, от европейской специфики” [McDaniel 2005, р. 37], или, другими словами, ответ на вопрос: “какое пространство... модернизационные тенденции оставляют для глубоких культурных различий?” [McCarthy 2001, р. 232]. В условиях, когда существует только один пример спонтанной модернизации – пионеры модернизации в Западной Европе – у этой проблемы нет очевидного решения. Попытка ответить на данный вопрос в рамках теории множественности модернов часто приводит к тому, что модерном объявляется все, что так или иначе представляет собой реакцию на вызовы современности. “Многие движения, получившие развитие вне западного мира, артикулировали жесткие антизападные и даже антимодернизационные программы, но при этом все они были отчетливо современными. И это верно не только применительно к различным националистическим и традиционалистским движениям, которые возникли... примерно в период с середины девятнадцатого века до Второй мировой войны, но также и к более современным фундаменталистским движениям” [Eisenstadt 2003, р. 536]. В некоторых работах утверждалось: “Даже выбор в пользу защиты традиций может быть понят как современная адаптация к настоящему – модерн” [Robinson 2006, р. 21]. В этих условиях нельзя не согласиться с тем, что сама “идея современного общества в настоящее время потеряла какую-либо концептуальную цельность” [McDaniel 2005, р. 38].

Не лучше обстоит дело и с пониманием традиции. Для современных теорий модернизации характерно, как указывалось выше, отрицание противопоставления традиции и модерна, признание совместимости модернизационного перехода с сохранением некоторых традиционных форм. В подтверждение этого Эйзенштадт, например, утверждал, что “в некоторых странах, таких как Япония и Англия, модернизация была успешно осуществлена под эгидой традиционных символов и даже традиционных элит” [Eisenstadt 1973, р. 99]. Однако эта констатация порождает больше вопросов, чем ответов. Есть ли какие-то ограничения на возможности использовать традиционные формы для успешной модернизации, или можно согласиться с тем, что дилемма – традиция или современность – ложная дилемма [Зарубина 1998, с. 129]? И вообще: что мы в данном случае имеем в виду под традицией? В ранних теориях модернизации столь активно критикуемая концепция традиционного общества по меньшей мере имела некоторую методологическую стройность – речь шла в первую очередь о моделях взаимоотношений между людьми, о социальных регуляторах. Рассматриваемым обсуждениям данного вопроса подобная четкость не свойственна. Понятие традиции остается столь же неопределенным, как и понятие модерна.

В результате становится неясным, что дает переосмысление подобным образом понятий модерна и модернизации для перспектив развития науки, и на какой исследовательский вопрос должны отвечать ученые, занимающиеся проблематикой модернизации в рамках подобных подходов. Пока все сводится в первую очередь к исследованию опыта отдельных стран или социальных движений и демонстрации их “модерности” в различных аспектах. В то же время без ответа остаются принципиальные вопросы, стоящие на повестке дня в условиях, когда модернизационные изменения осуществляются

не в индустриальном, а в постиндустриальном мире. Является ли тогда индустриализация необходимым элементом модернизации для стран догоняющего развития? Как оценить феномен урбанизации без индустриализации, столь широко распространенный в настоящее время, с точки зрения теории модернизации? Может ли развитие малого и среднего бизнеса, в том числе и в теневых формах, на которое обращал внимание, в частности, Э. де Сото [De Soto 2008], рассматриваться как воплощение модернизационных процессов, и если может, то в каких случаях? Исследования в данных направлениях действительно могли бы наполнить теорию “множественности модернов” конкретным содержанием. Однако подобные вопросы, требующие серьезной концептуализации, пока не привлекают внимание специалистов в данной сфере.

От модернизационных теорий к альтернативным подходам

Отказ от модернизационной теории в пользу альтернативного объяснения процессов общественной трансформации – еще одна реакция на ее кризис. Но и для этих альтернативных моделей характерна как определенная преемственность, так и более или менее очевидная напряженная внутренняя полемика с модернизационным метанарративом. Полный обзор подобных теорий явно выходит за рамки данной статьи. Поэтому остановлюсь только на двух примерах данного тренда: теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона и альтернативах модернизационной парадигме, разрабатываемых в рамках институциональной теории, наиболее убедительной из которых представляется теория порядков ограниченного и открытого доступа группы институциональных экономистов во главе с Д. Нортон. Если Хантингтон наглядно демонстрирует, каким образом могут эволюционировать взгляды теоретика модернизации под воздействием ее кризиса, то модель порядков ограниченного и открытого доступа явно входит в число наиболее перспективных концептуальных альтернатив модернизационной теории.

В 1993 г. вышла статья, а в 1996 г. – книга Хантингтона, где столкновение цивилизаций выдвигалось на роль доминирующего фактора современных международных отношений – “столкновение цивилизаций станет доминирующим в мировой политике. Линии разлома между цивилизациями – это линии будущих фронтов”, – писал он [Huntington 1993, p. 22]. Цивилизации определяются Хантингтоном как в первую очередь культурные общности. По его мнению, они различаются историей, языком, культурой, традициями и, что наиболее важно, религией.

Исходным моментом теории Хантингтона становится как раз конечный пункт эволюции модернизационной теории – понимание того, что “распространение западных идеалов и норм не приводит ни к возникновению всеобщей цивилизации в точном смысле этого слова, ни к вестернизации незападных обществ” [Хантингтон 2006, с. 17–18]. И именно в этом он видит основу грядущего конфликта. «Западная цивилизация является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации по-прежнему будут пытаться обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение – все то, что входит в понятие “быть современным”. Они также постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь по отношению к Западу будет возрастать. Западу все больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но существенно отличными по своим ценностям и интересам» [Huntington 1993, p. 49].

Наибольший накал противостояния Хантингтон прогнозирует с двумя цивилизациями – исламской и синьской (китайской): “Баланс влияния между цивилизациями смещается: относительное влияние Запада снижается; растет экономическая, военная и политическая мощь азиатских цивилизаций; демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей... Универсалистские

претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным – с исламом и Китаем...” [Хантингтон 2006, с. 18].

Положения теории столкновения цивилизаций Хантингтона вызвали далеко не однозначную реакцию в интеллектуальной среде. Отмечалась ее чрезмерная упрощенность, недопустимый культурный детерминизм, недоучет разнообразия отношения к Западу и модернизации в рамках каждой культуры и религии. Тем не менее в общественном сознании она пользуется значительной популярностью, поскольку адекватно отражает и рационализирует предрассудки и страхи обывателя в современном мире. Обращает на себя внимание, насколько у Хантингтона изменяется отношение к модернизации постколониальных стран. Если в послевоенной Америке с ней связывались перспективы всеобщих позитивных изменений, то здесь она трактуется как источник угрозы и нестабильности, чреватый новыми конфликтами, в том числе насильственными. Именно так видит Хантингтон уроки краха модернизационной теории.

Альтернативные модернизационной парадигме подходы разрабатывались в рамках институциональной теории, признававшей в качестве ключевого элемента, определяющего процветание или упадок того или иного социума, установленные в нем “правила игры”. Так, Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Дж. Робинсон выделяют инклюзивные и экстрактивные институты. Первые характерны для развитых западных стран и обеспечивают участие больших групп населения в экономической активности, оставляя при этом за каждым возможность выбора места приложения труда и вариантов потребления. “Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан” [Аджемоглу, Робинсон 2016, с. 105]. Напротив, экстрактивные институты направлены на то, чтобы “выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части” [Аджемоглу, Робинсон 2016, с. 108]. По мнению авторов, инклюзивные институты способствуют экономическому росту, а экстрактивные ему препятствуют.

Однако экономический рост – не всеобщее благо, а конфликтный и дестабилизирующий процесс, в котором есть победители и проигравшие. Поэтому элиты стремятся допустить его только в той мере, в какой он не подрывает их господствующих позиций, льгот и привилегий. Группы, контролирующие политическую власть, “выбирают экономические институты, максимизирующие их собственную ренту, и в результате экономические институты не совпадают с теми, которые максимизируют совокупный излишек потребителей и производителей, благосостояние или доход” [Асемоглу, Джонсон, Робинсон 2006, с. 189]. То есть авторы утверждают, что выбор в пользу экономической отсталости – сознательный выбор. “Экономические институты являются результатом коллективного выбора. Выбор осуществляется государством, которое обеспечивает стабильность этих институтов” [Асемоглу, Джонсон, Робинсон 2006, с. 221]. Условия для ограничения роста создаются экстрактивными политическими институтами, которые естественным образом связаны с экстрактивными экономическими институтами и не допускают политического плюрализма.

Каким образом происходит переход от экстрактивных к инклюзивным институтам? Он трактуется как результат политической борьбы между теми, кто обладают политической властью *de jure* и *de facto*. Авторы не дают детально прописанной теоретической схемы подобного перехода, ограничиваясь достаточно общими постановками: “Наше объяснение такого перехода – историческое, и все же оно не предполагает, что в истории существует предопределенность. Важнейшие институциональные перемены происходили в результате реакции существовавших в тот момент институтов на точки перелома. Подобные точки – это те или иные значительные события, разрушающие сложившийся политический и экономический баланс... Конфликт из-за ресурсов и власти (то есть борьба

за контроль над институтами) – постоянный процесс в любом обществе... Любой результат такого конфликта толкает институциональный дрейф в ту или иную сторону” [Аджемоглу, Робинсон 2016, с. 569].

Предлагаемый подход существенно отличается от теории модернизации, и его авторы неизбежно вступают с ним в полемику. Особенно острой критике подвергается идея о том, что модернизироваться могут и авторитарные режимы, а в дальнейшем экономический рост неизбежно приведет их к демократии и инклюзивным институтам. По мнению авторов, этого не произойдет, поскольку экстрактивные политические и экономические институты взаимно укрепляют друг друга, создавая все более серьезные барьеры для экономического развития. “Поскольку устойчивый экономический рост может быть основан лишь на инклюзивных институтах, то поддержка экстрактивного режима никак не улучшает ситуацию” [Аджемоглу, Робинсон 2016, с. 598].

Несколько иную альтернативу модернизационной парадигме выдвинула группа институциональных исследователей во главе с Нортон [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012; North, Wallis, Webb, Weingast 2013]. В рамках этой теории в истории цивилизаций различают общества, основанные на порядке ограниченного доступа (естественные государства) и основанные на порядке открытого (свободного) доступа. Исходным пунктом различий является не сознательный политический выбор, а наличие или отсутствие монополии на насилие со стороны государства. Рассматриваемая теория утверждает, что большинству стран такая монополия не присуща, и для предотвращения насилия необходимо создавать особые стимулы для элитных групп, которые перевешивали бы выгоды от использования ими собственного насильственного потенциала. “Порядки ограниченного доступа суть социальные договоренности – одновременно политические и экономические, благодаря которым мотивы к применению насилия исчезают” [Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012, с. 8]. Подобные стимулы создаются в результате распределения рент, полученных путем предоставления данным группам, объединенным в доминирующую коалицию, различных эксклюзивных прав и возможностей. Соответственно, в рамках данного порядка используются “ренды, ограниченный доступ и привилегии для сдерживания насилия, предоставляя эти ренды и привилегии отдельным лицам и группам, способным на насилие, и создавая для них стимулы кооперироваться, а не бороться друг с другом” [Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012, с. 19]. Распределение рент от монополизации доступа к ресурсам, экономической и политической деятельности и составляет суть порядка ограниченного доступа.

Соответственно, в его рамках происходит следующее:

- 1) широкое распространение получают патрон-клиентские отношения, обслуживающие интересы членов господствующей коалиции;
- 2) власть, экономика и носители насильственного потенциала тесно взаимосвязаны;
- 3) невозможно в полной мере реализовать принцип свободной конкуренции – необходимость обеспечения ренты требует монополизации наиболее привлекательных сфер экономики и политики;
- 4) невозможно обеспечить принцип верховенства права и равенство всех перед законом – «применение и принуждение к соблюдению... законов в коррумпированных судах превращает их в дополнительный источник бенефиций для “своих”» [Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст 2012, с. 24];
- 5) невозможно обеспечить реализацию принципов социального государства – масштабы и качество предоставления государственных услуг зависят от того, кому они предоставляются;
- 6) невозможно обеспечить вертикальные лифты в соответствии с талантами и усердием: члены господствующей коалиции и те, кто входят в их патрон-клиентские связи, всегда будут иметь преимущество.

В то же время проведенный авторами концепции анализ показывает, что в рамках группы естественных государств, несмотря на сохранение базовых характеристик ограничен-

ного доступа, наблюдаются чрезвычайно существенные различия в динамике развития, уровне жизни, комфортности проживания, степени политических и экономических свобод. Так, по уровню душевого ВВП различия достигают десятки раз. Таким образом, сама группа этих стран требует более дробного деления.

Норт и его коллеги выделяют три различных вида естественного государства: хрупкое, базовое и зрелое. При этом они подчеркивают, что “не существует четких границ, различающих эти типы. Естественные государства отличаются главным образом структурой государственности и сложностью организаций, которые они могут поддерживать” [Норт, Уоллис, Вайнгайт 2011, с. 99]. Хрупким обозначается такой режим, где каждая из фракций в доминирующей коалиции имеет прямой доступ к ресурсам насилия, и потенциал насилия напрямую влияет на распределение ресурсов и рент. Подобные коалиции предельно нестабильны, и государство с трудом может сохранить себя, сталкиваясь с постоянной угрозой насилия. Базовый порядок ограниченного доступа предполагает достаточно сильное государство, которое может ограничить насильственные практики и установить определенные правила. Однако в рамках такой системы государство стремится подчинить себе всю общественную жизнь, не оставляя пространства для развития гражданского общества. Все политические и экономические организации, все элитные группы оказываются тесно связанными с государством, которое становится единственным стабильным институтом. Наконец, зрелому естественному государству присуще появление достаточно широкого спектра элитных организаций вне государственных структур, которые способны в определенной степени контролировать государство. В таких условиях могут возникнуть более четко определенные и более унифицированные “правила игры” (хотя бы для элитных групп), возможна большая независимость судов и центрального банка, начинается дифференциация сферы политики и сферы экономики.

Авторы концепции рассматривают движение от хрупкого к базовому и затем к зрелому порядку ограниченного доступа как прогрессивную эволюцию, в результате которой могут создаваться предпосылки для перехода к порядку открытого доступа. Однако подобная направленность развития ничем не гарантирована. Истории известны многочисленные случаи деградации естественного государства, в рамках которой движение было обратным – от базового порядка к хрупкому или от зрелого – к базовому.

Также, по мнению авторов, порядки ограниченного доступа не всегда способны предотвратить насильственные практики. Изменение ситуации, внутренние или внешние шоки приводят к тому, что изначально достигнутый баланс может нарушиться. Тогда элитные группы либо договариваются о новом распределении рент, либо, если достичь компромисса не удастся, могут использовать имеющийся у них потенциал насилия для силового решения проблемы.

В отличие от порядка ограниченного доступа, порядок открытого доступа основан на свободной конкуренции в экономической и политической сфере, верховенстве права, подразумевает монополию государства на применение насилия и более широкое распространение деперсонифицированных практик. Тут не играет роли, кем персонально является носитель тех или иных отношений или получатель тех или иных услуг, в какие структуры и коалиции он встроен. Ренты в подобной системе также генерируются, но они связаны в первую очередь с инновационной, предпринимательской деятельностью, а не с искусственной монополизацией тех или иных сфер.

Хотя на первый взгляд данная теория имеет мало пересечений с модернизационной, тем не менее, скрытая полемика с ней пронизывает работы названных авторов. В-первых, здесь, в отличие от модернизационной теории, нет никакой предопределенности направления движения ни в рамках порядков ограниченного доступа, ни от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа. Более того, отсутствует четкий алгоритм такого движения. Хотя авторы теории пытаются нащупать общие закономерности на основе исследования конкретных случаев, надо сказать, что получается это у них не очень убедительно.

Во-вторых, порядки открытого доступа характерны лишь для сугубого меньшинства государств. Наиболее распространены государства, основанные на порядках ограниченного доступа, который в этой ситуации выступает как некая норма, тогда как порядки открытого доступа характерны примерно для 25 наиболее развитых и динамично развивающихся стран мира. Это явно отличается от представления о том, что “норма” – модернизированное состояние, к которому рано или поздно придут все страны, а все остальное – временные отклонения. “Слишком часто представители социальных наук в обществах открытого доступа неявно опираются на удобное допущение, что общества, в которых они живут, представляют собой историческую норму. Напротив, мы утверждаем, что нормой является как раз естественное государство, а не открытый доступ” [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011, с. 55–56].

В-третьих, Норт и его коллеги призывают относиться с особой осторожностью к попыткам непосредственного перенесения тех институциональных форм, которые характерны для современных развитых государств, в условия естественного государства, что характерно для рекомендаций сторонников модернизационной теории. По мнению Норта и его коллег, либо реальное содержание переносимых институтов будет искажено, либо могут быть подорваны договоренности о распределении рент, и импорт институтов приведет к новым всплескам насилия.

* * *

Рассмотрев драматичную историю развития и кризиса модернизационных теорий, попробую ответить на те вопросы, которые были сформулированы в начале данной работы. Во-первых, негативное отношение к модернизационным теориям сформировалось прежде всего на основе оценки теории модернизации в узком смысле, крах которой предопределил как проблемы с использованием соответствующей терминологии, так и подозрительность в отношении любых подходов, так или иначе апеллирующих к модернизационной парадигме. В качестве ее основных недостатков отмечались: отождествление модернизации с вестернизацией; недостаточный учет культурных различий между странами; идеализация самого образа модерна; противопоставление модерна традиции и т.п. Однако при этом гораздо меньше внимания обращалось на то, что, как представляется, было основным ее пороком – на попытку смешения научного исследования с изготвлением универсальных политических рецептов. Именно это предопределило, с одной стороны, исходные идеологические ограничения при проведении аналитической работы, с другой – неизбежную упрощенность и схематичность конечного результата (естественный состав любого рецепта: ингредиенты, удельный вес каждого, последовательность шагов по реализации, критерии оценки качества полученного продукта).

Во-вторых, попытки более поздних модернизационных теорий избавиться от недостатков теории модернизации в узком смысле не во всем успешны. Так, отказавшись от универсалистских линейных схем, они не смогли предотвратить размывания основных понятий данной теории – модерн, модернизация, традиция – вплоть до потери ими внятного содержания. Попытки уйти от чрезмерно жестких противопоставлений и соблюсти политкорректность приводили к тому, что сложный, конфликтный, драматичный процесс модернизации превращался в “вегетарианское блюдо”, где фактически любые действия государства, а также любые общественные движения можно было объявлять модерными и практически любые противоречия – сглаживать. Вопрос о том, в чем, собственно, задача теории модернизации – изучать ход процессов модернизационной трансформации общества либо формировать рецепт государственной политики, – не только не получил ясного решения, но даже не был поставлен.

В-третьих, в открытой либо скрытой полемике с теорией модернизации стали рождаться альтернативные варианты теорий, объясняющих процессы и стимулы общественной эволюции. Среди них наиболее перспективной представляется теория порядков ограниченного и открытого доступа, разработанная группой авторов под руководством Норта,

которая связывает различие этих порядков с наличием либо отсутствием монополии государства на насилие. В последнем случае государство вынуждено распределять ренты среди элитных групп, обладающих насильственным потенциалом, чтобы они воздерживались от его использования. Этим обуславливается неравенство граждан, примат личных связей, отсутствие верховенства закона, а также нестабильность подобного порядка и его неспособность обеспечивать устойчиво высокие темпы роста. Так устроено большинство стран мира. Монополия государства на насилие позволяет реализовать гораздо более конкурентный и деперсонифицированный порядок, обеспечивающий верховенство права и равенство всех перед законом, однако предпосылки к его установлению формируются только в исключительных случаях.

В-четвертых, негативное отношение к теориям модернизации в целом отрицательно повлияло на оценку ранних модернизационных теорий, с которых фактически началась социология как наука. Их авторы разделяли многие предрассудки теоретиков модернизации в узком смысле, на основе чего в дальнейшем произошло их фактическое отождествление. При этом не обращалось внимания на принципиальные методологические различия. Авторы ранних модернизационных теорий не стремились разработать рецепт модернизации, они анализировали и концептуализировали те процессы общественной трансформации, которые происходили на их глазах. В результате были получены интереснейшие результаты, относящиеся к процессам урбанизации и формирования больших городов; размыванию прежних и формированию новых социальных регуляторов; трудностям и конфликтам трансформационного перехода, роли общественных движений и идеологий в этот период. Все это чрезвычайно важное и явно недооцененное научное наследие может использоваться при анализе аналогичных процессов, происходящих в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. А. (2016) Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Айзенштадт Ш.Н. (2004) Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века. М.: ИНИОН РАН.
- Армстронг К. (2013) Битва за Бога: История фундаментализма. М.: Альпина нон-фикшн.
- Асеомглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж. (2006) Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста // ЭКОВЕСТ. № 2. С. 180–247.
- Баяк Д. (2013) Научная контрреволюция наших дней // Отечественные записки. № 1. С. 8–27.
- де Сото Э. (2008) Иной путь: Экономический ответ терроризму. Челябинск: Социум.
- Зарубина Н.Н. (1998) Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара.
- Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012) В тени насилия: Уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Хантингтон С. (2008) Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: АСТ МОСКВА.
- Хантингтон С. (2006) Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Эйзенштадт Ш. (1998) О неопределенности термина “традиция” // Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия: Учеб. Пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс. С. 237–240.
- Eisenstadt S.N. (2003) Multiple Modernities // Id. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Vol. 2. Brill. Pp. 535–560.
- Eisenstadt S.N. (1973) Tradition, Change, and Modernity. New York: John Wiley & Sons.
- Gaonkar D.P. (2001) On Alternative Modernities // Alternative Modernities. Ed. by D.P. Gaonkar. London: Duke Univ. Press. Pp. 1–23.

- Huntington S.P. (1993) *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*. Vol. 72. No. 3. Pp. 22–49.
- McCarthy T. (2001) *On Reconciling Cosmopolitan Unity and National Diversity* // *Alternative Modernities*. Ed. by D.P. Gaonkar. London: Duke Univ. Press. Pp. 197-235.
- McDaniel T. (2005) *Responses to Modernization: Muslim Experience in a Comparative Perspective* // *Modernization, Democracy and Islam*. Westport, CT: Praeger Publishers. Pp. 35–57.
- North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. (2013) *In the Shadow of Violence: Politics, Economics and the Problems of Development*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Robinson J. (2006) *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*. London: Routledge.
- Taylor Ch. (2001) *Two Theories of Modernity* // *Alternative Modernities*. Ed. by D.P. Gaonkar. London: Duke Univ. Press. Pp. 172–196.
- Voll J.O. (2005) *Islam and Democracy: Is Modernization a Barrier?* // *Modernization, Democracy and Islam*. Westport, CT: Praeger Publishers. Pp. 82–97.
- Wagner P. (1994) *A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*. London and New York: Routledge.

Drama of Modernization Theory. Article 2. After Crisis: Forks and Deadlocks of Modernization Theory Today

I. STARODUBROVSKAYA*

* **Starodubrovskaya Irina** – Candidate of Science (Economics), Department Director “Political Economy and Regional Development”, Gaidar Institute for Economic Policy. Address: 3-5, build. 1, Gazetny per., Moscow, 125009, Russia. E-mail: irinas@iet.ru

Abstract

This article analyzes the development of modernization theories and alternative theories of social transformation after the crisis of modernization theory in the narrow sense. Modernization discourse has not disappeared, but was seriously modified. Theory of multiple modernities, which rejected the idea of universal trajectory in movement to modern society, appeared to be dominant. Students of modernization started to deny mutual exclusiveness of tradition and modernity, take into account cultural factors in modernization process seriously. Modernity itself started to be viewed more critically. However, it was not enough to overcome the crisis of modernization paradigm. Attempts to overcome deterministic approach and to be politically correct led to the loss of meaning of the main categories of this paradigm, such as modernity, modernization, tradition. At the same time, alternative theories of social transformation have appeared in the social sciences. The most well-known among them are the clash of civilizations theory as well as various theories of institutional changes, first of all the analysis of limited and open access orders presented by Douglas North and his co-authors.

Keywords: multiple modernities, clash of civilizations, inclusive institutions, extractive institutions, limited access order, open access order.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2016) *Pochemu odni strain bogatiye, a drugiye bedniye. Proiskhozheniye vlasti, protsvetaniya i nitsheti* [Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow: AST.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2006) *Instituti kuk fundamentalnaya prichina dolgosrochnogo ekonomicheskogo rosta* [Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth]. *EKOVEST*, no. 2, pp. 180–247.
- Armstrong K. (2013) *Bitva za Boga: Istoriya fundamentalizma* [The Battle for God: A History of Fundamentalism]. Moscow: Alpina non-fiction.
- Bauk D. *Nauchnaya kontrrevolutsiya nashikh dney* [Scientific Counter-revolution of Our Days]. *Otechestvenniye zapiski*, vol. 52, no. 1, pp. 8–27.
- de Soto H. (2008) *Inoy put': Ekonomicheskiy otvet terrorizmu* [The Other Path: the Economic Answer to Terrorism]. Chelyabinsk: Sotsium.

- Eisenstadt S. (1998) O neopredelennosti termina "traditsiya" [On Ambiguity of the Term "Tradition"]. Yerasov B.S. *Sravnitelnoye izucheniye tsivilizatsiy. Khrestomatiya: Uchebnoye posobiye dlya studentov VUZov*. Moscow, Aspekt press, pp. 237–240.
- Eisenstadt S.N. (2004) *Mnozhestvennost modernizmov v vek globalizatsii* [Multiple Modernities in an Age of Globalization]. Moscow: INION RAN.
- Eisenstadt S.N. (2003) Multiple Modernities // Id. *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*, vol. 2. Brill, pp. 535–560.
- Eisenstadt S.N. (1973) *Tradition, Change, and Modernity*. New York: John Wiley & Sons.
- Gaonkar D.P. (2001) On Alternative Modernities. *Alternative Modernities*. Ed. by D.P. Gaonkar. London: Duke Univ. Press, pp. 1–23.
- Huntington S.P. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, pp. 22–49.
- Huntington S. (2008) *Kto mi? Vizovi amerikanskoy natsionalnoy identichnosti* [Who are We? The Challenges to America's National Identity]. Moscow: AST.
- Huntington S. (2006) *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
- Inglehart R., Welzel Ch. (2011) *Modernizatsiya, kulturniye izmeneniya i demokratuya* [Modernization, Cultural Change and Democracy]. Moscow: Novoye izdatelstvo.
- McCarthy T. (2001) On Reconciling Cosmopolitan Unity and National Diversity. *Alternative Modernities*. Ed. by D.P. Gaonkar. London: Duke Univ. Press, pp. 197–235.
- McDaniel T. (2005) Responses to Modernization: Muslim Experience in a Comparative Perspective. *Modernization, Democracy and Islam*. Westport, CT: Praeger Publishers, pp. 35–57.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasiliye i sotsialniye poryadki. Kontseptualniye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovchestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaidara.
- North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. (2012) *V teni nasiliya: uroki dlya obschestv s ogranichennim dostupom k politicheskoy i ekonomicheskoy deyatelnosti* [In the Shadow of Violence: Lessons for the Societies with Limited Access to Economic and Political Activity]. Moscow: Izdatelskiy dom Visheyy shkoly ekonomiki.
- North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. (2013) *In the Shadow of Violence: Politics, Economics and the Problems of Development*. Cambridge: Cambridge Univ. press.
- Robinson J. (2006) *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*. London: Routledge.
- Taylor Ch. (2001) Two Theories of Modernity. *Alternative Modernities*. Ed. by D.P. Gaonkar. London: Duke Univ. Press, pp. 172–196.
- Voll J.O. (2005) Islam and Democracy: Is Modernization a Barrier? *Modernization, Democracy and Islam*. Westport, CT: Praeger Publishers, pp. 82–97.
- Wagner P. (1994) *A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*. London and New York: Routledge.
- Zarubina N.N. (1998) *Sotsiokulturniye faktori khozaystvennogo razvitiya: M. Weber i sovremenniye teorii modernizatsii* [Sociocultural Factors of Economic Development: M. Weber and Modern Modernization Theories]. St. Petersburg: RKHGI.